

сам Сергей Радонежский «божественныя сладости молчания вкусив».¹²⁸ Один из его учеников, Исаакий, «безмолвие любляше и молчанию прилежаше, оттого и Молчальником прозван бысть».¹²⁹ Другой его ученик, Афанасий Высоцкий, игумен серпуховского общежития, ушел в Константинополь, чтобы пожить «в молчании с святыми старци».¹³⁰ В 1376 г. «сниде в келию молчания ради» московский архимандрит Иван Непейца.¹³¹ В 70-е же годы в Нижнем Новгороде княгиня Василиса, вдова князя Андрея Константиновича, постригшись в монахини, жила «в молчании, тружаяся рукоделием», а вокруг нее выросло большое женское общежитие.¹³²

Из приведенных примеров (которые легко умножить за счет житийной литературы) видно, что термин *ἡσυχία*, давший название знаменитым византийским спорам XIV в., проникает в буквальном русском переводе и в применении к русским монахам в русские летописи и жития. И примечательно, что молчаливость на Руси этого времени оказывается так или иначе связанным с общежитием.

Всё больше людей приходит на Русь с Балкан, среди них — вступивший «в полосу сознательной жизни в самый разгар исихастских споров» Феофан Грек, «преславный мудрок, философ зело хитр».¹³³

Наиболее же ярким русским представителем нового, сложившегося в Восточной Европе типа монаха-созерцателя, общественного деятеля, организатора и советчика был в XIV в., конечно, сам Сергей Радонежский, стремившийся, чтобы в сердце его воссияло «мысленное солнце правды»,¹³⁴ устроитель и глава монашеского общежития, ставшего на Руси культурным центром и «центром новых мистических настроений»,¹³⁵ и основатель многих других монастырей, человек, принимавший активное участие и в политической жизни и борьбе своего времени, «всей Русской земли нашей учитель и наставник».¹³⁶

Завершим наши заметки о проникновении исихазма в XIV в. в Россию некоторыми обобщениями.

1. В Россию, как и в южнославянские земли, в середине XIV в. проникает собственно исихазм (т. е. «молчаливость», способ индивидуального подвижничества) или исихазм «келейного» уровня обрисованной нами эволюции его в Византии. Этому уровню соответствует многочисленная аскетико-созерцательная литература, занявшая с конца XIV в. едва ли не главное место в русской письменности.¹³⁷

2. Одновременно или почти одновременно с этим распространяется на Руси общежительный тип монастырей, т. е. исихазм «церковно-политический», соответствующий третьему его византийскому «этапу».

¹²⁸ Житие Сергия, стр. 57.

¹²⁹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922, стлб. 154.

¹³⁰ Там же, стлб. 108.

¹³¹ Там же, стлб. 126.

¹³² Там же, стлб. 133.

¹³³ В. Н. Лазарев. Феофан Грек, стр. 29, 113.

¹³⁴ «Восияй в сердцах наших мысленное солнце правды Твоея». Молитва эта находится в пергаменном XIV в. Служебнике «репродукция отца игумена Сергия Радонежского чудотворца» — согласно подписи по листам позднейшим почерком. Молитва эта встречается здесь впервые. См.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 3, книги богослужебные, ч. 1. М., 1869, стр. 29.

¹³⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 86.

¹³⁶ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 163.

¹³⁷ Перечень основных сочинений этого рода, появившихся в нашей литературе после середины XIV в., с указанием старших их списков см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси, стр. 15—19.